

Михаил Выграненко¹

ИЗ ЗАМЕТОК ОБ ИННОКЕНТИИ АННЕНСКОМ²

1. Ещё о «сладчайшем Иисусе» у Анненского
2. Ещё раз о «черном солнце» О. Мандельштама

В последнем стихотворении <«Моя тоска»> (1909) Анненский написал о своей тоске: «Качает целый день она пустые зыбки, // И образок в углу — сладчайший Иисус...»³. 13 ноября 1909 г. М. А. Кузмин отметил в дневнике: «Анненский написал мне стихи по поводу моего выступления в защиту любви»⁴. «Выступление» и разговор двух поэтов случились 11 ноября в редакции журнала «Аполлон», что так же зафиксировано Кузминым: «На собрании я спорил с Инн<окентием> за безлюбость и христианство»⁵.

Вторая составляющая спора, «за христианство», и стала источником появления в стихах «сладчайшего Иисуса». Происхождение формулы было указано Л. Ф. Кацисом: в 1909 году был широко известен яркий доклад В. В. Розанова «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира» в Религиозно-философском обще-

¹ Михаил Александрович Выграненко — независимый исследователь, Новосибирск.

² Текст представляет собой переработанные и расширенные Интернет-публикации, размещённые на сайте «Мир Иннокентия Анненского»; URL: <http://annensky.lib.ru>.

³ Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии / Вст. ст., сост., подгот. текста, примеч. А. В. Федорова. Л., 1990. С. 158.

⁴ Кузмин М. Дневник 1908–1915. / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 184.

⁵ Там же. С. 185.

стве Санкт-Петербурга (ноябрь 1907 г., опубликован в 1908 г.)⁶. Розановское выступление содержит ещё одно ключевое имя — Д. С. Мережковского, а «сладость» и «сладкость» встречаются в нём не раз:

«В блестящем докладе “Гоголь и отец Матвей” Д. С. Мережковский страстно поставил вопрос об отношении христианства к искусству (...) он думает, что Евангелие совместимо со **сладкою** преданностью музам (...)»⁷;

«Мы дебатировали в 1902 г., забыв прошлое и не предвидя будущего, отдавшись **сладкой** минуте» (418);

«Да, Павел трудился, ел, обонял, ходил, был в материальных условиях жизни: но он глубоко из них вышел, ибо уже ничего более не любил в них, ничем не любовался. Он брал материю только в необходимом и утилитарном, он знал и нуждался только в прозе плоти. Христос был единственным цветком в ней; моноцветком, если позволительно выразиться. “Я хожу, ем, сплю, вкушаю: но **наслаждаюсь** только Иисусом”, — может сказать о себе всякий подлинный христианин» (419);

«Ни Гоголь, ни вообще литература, как игра, шалость, улыбка, грация, как цветок бытия человеческого, вовсе не совместимы с моноцветком, “**Сладчайшим Иисусом**”. Но как же тогда мир? — завоплю я с Мережковским. Как же тогда мы, в цвете и радости своей жизни?» (420–421);

«Нельзя оспорить, что начертанный в Евангелиях Лик Христа — так, как мы Его приняли, так, как мы о Нем прочитали, — “**слаще**”, привлекательнее и семьи, и царств, и власти, и богатства» (426);

«Как только вы вкусите **сладчайшего**, неслыханного, подлинно небесного — так вы потеряли вкус к обыкновенному хлебу. Кто же

⁶ См.: *Кацис А. Ф.* Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. М., 2000 (разделы 1.1.2 и 1.1.2 и др.).

⁷ *Розанов В. В.* Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет / Сост., вст. ст. В. В. Ерофеева; коммент. О. Дарка. М., 1990. С. 418. Далее страницы из этой публикации указываются в тексте.

после ананасов схватится за картофель. Это есть свойство вообще идеализма, идеального, могущественного. Великая красота делает нас безвкусными к обыкновенному» (426);

«(...)мир вообще и весь, хоть очень загадочен, очень интересен, но именно в смысле *сладости* — уступает Иисусу. И когда необыкновенная Его красота, прямо небесная, просияла, озарила мир — сознательнейшее мировое существо, человек, потерял вкус к окружающему его миру. Просто мир стал для него горек, плоск, скучен» (426–427).

Собственно, текст Розанова является во многом комментарием к названному докладу Мережковского, прозвучавшему в более ранних Религиозно-философских собраниях (18 апреля 1903 г.). А формула *сладчайший Иисус* кроме заголовка встречается только один раз и в кавычках, что наводит на мысль: а был ли Розанов её автором? К сожалению, автор не нашёл доклад Мережковского, который, возможно, содержал ответ. Но Мережковский тогда же опубликовал большую работу о Гоголе⁸, включившую текст доклада; она была напечатана отдельной книгой в 1906 г. под названием «Гоголь и черт»; в 1909 г. вышло её второе издание.

Конечно, Анненский читал это сочинение; он внимательно и ревностно следил за творчеством соперника и оппонента по переводам античных авторов, отмечая при этом значимость творчества Мережковского. В письме к А. Г. Горнфельду от 1 марта 1908 г. он с благодарностью и сочувствием отнёсся к сборнику статей критика «Книги и люди: Литературные беседы: I» и, имея в виду статью «Г. Мережковский и черт», солидарно заметил: «Как утомительны, напр<имер>, эти вечные контрасты Мережковского ...»⁹.

Но в книге Мережковского «Гоголь и чёрт» формулы *сладчайший Иисус* нет. Однако у Анненского она встречается ещё раз — в статье «Гейне прикованный», написанной как раз во время резонансного доклада Розанова и вошедшей во «Вторую книгу отражений», что говорит о её неслучайности для Анненского. (Об этом так же напомнил и процитировал соответствующий

⁸ Мережковский Д. С. Судьба Гоголя // Новый путь. 1903. № 3.

⁹ Анненский И. Ф. Письма : в 2 т. / Сост., предисл., коммент. и указатели А. И. Червякова. Т. 2: 1906–1909. СПб., 2009. С. 187.

фрагмент Кацис¹⁰.) Замечание Анненского выглядит следующим образом:

Вот они, Христовы невесты, изменившие своему жениху. Что ни ночь, они должны выходить из своих могил и до самой зари с боковых стульев хора, среди страшно холодной монастырской церкви влагать в старинный напев слова, смысл которых навсегда для них утрачен, покуда давно умерший кистер играет на органе, и тени его рук, сопровождая бессмысленное пение, бешено путают регистры («Христовы невесты»).

И долго просят бедные призраки из этого холодного мрака, где хуже, чем в могиле, туда, на теплое светлое небо, и так жалобно молят они: «Сжался, сжался, Иисус сладчайший»¹¹.

Анненский показывает у Гейне волнующую автора тему (или впечатляется ею): как музыка становится какофонией, как мольбы к высшему становятся фальшью, ложью. Об этом же говорит Розанов в своём докладе, но их мысли — разные. Анненский в своей статье пересказывает несколько стихотворений Гейне из сборника «Романсеро», в том числе «Христовы невесты». Дело в том, что русского перевода стихотворения (как и всего сборника) в то время ещё не было. Впервые оно было переведено в 1939 г., а затем в 1989. То, что пересказал Анненский, звучит в этих переводах так:

Ночь нас гонит из могил,
И, рыдая о потере,
Покаянья мы приносим...
Miserere! Miserere!
(пер. А. М. Пеньковского)¹²

Ночью, выйдя из могил,
Мы стучим в господни двери,
К милосердию зывая, —
Miserere! Miserere!
(пер. Р. Дубровкина)¹³

¹⁰ См.: Кацис А. Ф. Указ. соч. С. 39.

¹¹ Анненский И. Книги отражений / Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979. С. 158.

¹² Гейне Г. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3. М., 1957. С. 37–38.

¹³ Гейне Г. Избранные сочинения. М., 1989. С. 242.

Иисус, но «добрейший», появляется в первом переводе через строфу (создаётся впечатление, что переводчик знал пересказ Анненского). Слово «*miserere*» само по себе является культурной формулой, и оба переводчика передавать его не стали. А Анненский как раз перевёл и использовал ту формулу, что была на слуху в его время, — *сладчайшего Иисуса*. О том, что он знал о тогдашних дебатах, говорит его известное письмо к Т. А. Богданович от 6 февраля 1909 г., являющееся по сути программным заявлением, с очень важными положениями, среди которых: «Срывать аплодисменты на Боге... на совести. Искать Бога по пятницам... Какой цинизм!»¹⁴. Письмо было ответом на приглашение посетить заседание Литературного общества, и из него следует, что Анненский лично присутствовал в предыдущем заседании 12 декабря 1908 г.¹⁵, на котором выступал и Мережковский.

Возвращаясь к докладу Розанова, необходимо отметить, что в нём присутствовал целый набор мыслей, созвучных интересам Анненского и наверняка останавливавших его внимание. Например, об эллинстве:

Если бы не было Элады, мы, пожалуй, внимательнейшим образом изучили бы и историю разных монгольских племен. Мы были бы внимательны к малому и некрасивому. Но когда есть великое, какой интерес в малом? (427).

Или о страдании:

(...) одна из великих загадок мира заключается в том, что страдание идеальнее, эстетичнее счастья — грустнее, величественнее. (427).

«Идеализм» присутствует и в одной из приводившихся выше цитат. Известно из мемуаров, что Анненский всегда был идеалистом, от восторженного в молодости до вдумчивого в зрелом творчестве. Но «вкус к обыкновенному хлебу», в противопоставление «великой красоте», не терял; более того, считал важнейшим: достаточно вспомнить его призывы обратиться к «обы-

¹⁴ Анненский И. Ф. Письма : в 2 т. Т. 2: 1906–1909. С. 280.

¹⁵ Там же. С. 282, прим. 2.

денному слову» и «сырой бабе» и его «вещные» стихи. А тоска его — «всегда весёлая» ...

Особенным источником размышлений и поддержкой религиозных сомнений для Анненского представляется следующее положение Розанова: «Ни Гоголь, ни вообще литература, как игра, шалость, улыбка, грация, как цветок бытия человеческого, вовсе не совместимы с моноцветком, “Сладчайшим Иисусом”» (420) Только, как указывал Анненский в упоминавшемся письме к Богданович, «ведь для них сомнение, это — риторический [так. — М. В.] приём. Ведь он, каналья, всё решил и только тебя испытывает, а ну?! а ну?!...»¹⁶.

Формула, использованная Анненским в последнем стихотворении, была понятна его просвещённым современникам. Но была ли понята его строка? «Пустые зыбки», «образок» ... Не *сладчайший* ли *Иисус* этот «образок»? И не проглядывает ли здесь ирония Анненского? Она читается и в его словах о «теософическом коксе» из статьи «О современном лиризме», предшествующей стихотворению. Причём, не ирония вообще, а по отношению к самому себе, ведь тоска-то — «моя». Это серьезней.

А сама формула нашлась у Мережковского:

Ты, Иисусе мой сладчайший, муки в счастье превратил,
Пристыдил меня любовью, окаянного простил!

Это — строфа из его ранней поэмы «Протопоп Аввакум» (1887). В публикации 1888 г. её текст был сильно сокращён цензурой, и трудно сказать, была ли в нём эта строфа. Но в собрании сочинений 1904 г. поэма была восстановлена автором, и вполне возможно, что Анненский её читал. Тогда ирония в строке его стихотворения только усиливается. Она становится горькой.

¹⁶ Анненский И. Ф. Письма : в 2 т. Т. 2: 1906–1909. С. 279.

2. ЕЩЁ РАЗ О «ЧЕРНОМ СОЛНЦЕ» О. МАНДЕЛЬШТАМА

А ночного солнца не заметишь ты.
Осип Мандельштам. «В Петербурге мы
сойдемся снова...» (1920)

«Ночное», «чёрное солнце» Осипа Мандельштама было замечено исследователями много раз. Этот интересный, привлекательный образ в данной работе предполагается рассмотреть в связи с Иннокентием Анненским, который был одним из главных поэтических ориентиров Мандельштама.

В 1916 году Мандельштам закончил стихотворение, где собственные строки чередуются со строками перевода из трагедии Расина «Федра»¹⁷. С них оно и начинается: «Как этих покрывал и этого убора / Мне пышность тяжела средь моего позора!». Речь идёт о той же «классической шали», о которой он уже написал в стихотворении «Я не увижу знаменитой “Федры”...» (1915). Даже «ложноклассической» — в стихотворении «Вполоборота — о, печаль...» (1914). Но «шаль» — только у Мандельштама. Вот перевод этого места «Федры» М. А. Донского (действие первое, явление 3):

О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом,
И это тяжкое, неслышанное время
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя?¹⁸

Дальше в стихотворении Мандельштама появляется образ «чёрного солнца»: «И для матери влюбленной / Солнце черное взойдет». «Федра-ночь» горит «черным пламенем», образ рас-

¹⁷ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. Т. 1: Стихотворения / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца. М., 2009. С. 89–90. История изучения стихотворения современным мандельштамоведением представлена в издании: Мандельштам О. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О. А. Лекманова, М. А. Амелина, коммент. и библиогр. О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. М., 2017. С. 362.

¹⁸ Расин Ж. Трагедии / Изд. подгот. Н. А. Жирмунская, Ю. Б. Корнеев. Л., 1977. С. 251–252.

крывается в строке-переводе: «Любовью черною я солнце запятнала ...». Ср. с соответствующим местом в переводе Донского:

О лучезарное, державное светило,
Чьей дочерью себя надменно объявила
Мать Федры! За меня краснеешь ты сейчас?
(...)
Я преступлением не запятнала руки.
Но сердце... сердце... В нем причина этой муки!¹⁹

Как видим, «чёрного солнца» у Расина тоже нет. Поэтому интересно рассмотреть мнение Н. Я. Мандельштам, которая связала этот образ с Анненским:

В стихотворении о Федре впервые говорится о черном солнце, то есть о солнце вины и гибели. В статье о Скрыбине Мандельштам говорит — «образ поздней греческой трагедии, созданный Еврипидом, видение несчастной Федры». Я не помню, есть ли у Еврипида ночное или черное солнце, существующее в греческой мифологии (Никтелиос орфиков), и не собираюсь ходить в библиотеку за справками — это сделают без меня. Мне помнится, что о черном солнце, как о видении Федры, говорится в одной из статей Анненского, и Мандельштам мог принять слова учителя на веру. О черном солнце говорил, между прочим, и Розанов. В периоды, когда кончается эпоха, солнце становится черным: «Это солнце ночное хоронит возбужденная играми чернь ...»²⁰.

В не полностью сохранившемся тексте доклада Мандельштама по случаю смерти А. Н. Скрыбина, произнесённом примерно тогда же²¹, когда было написано стихотворение о Федре (что указывает на актуальность образа для поэта), сказано о Пушкине: «Ночью положили солнце в гроб ...». Очевидно, поэт подразумевал

¹⁹ Расин Ж. Трагедии. С. 252, 254.

²⁰ Мандельштам Н. Я. Вторая книга: Воспоминания. М., 1990. С. 96–97. Последняя цитата — из стихотворения Мандельштама «Когда в теплой ночи замирает ...» (1918).

²¹ Конец апреля 1915 — январь 1917 г.; см.: Сурам И. 3. Смерть поэта: Мандельштам и Пушкин // Новый мир. 2003. № 3 (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>).

печатное извещение о смерти Пушкина²². А далее — фраза, которую процитировала Н. Я. Мандельштам:

Я вспомнил картину пушкинских похорон, чтобы вызвать в вашей памяти образ ночного солнца, образ поздней греческой трагедии, созданный Еврипидом, — видение несчастной Федры²³.

То есть то, что это образ Еврипида, предлагал вспомнить сам Мандельштам. Затем он преобразовывает его в «солнце вины» и относит не к Федре — персонажу трагедии, а к «Федре-России» на фоне мировой войны и к Скрябину как воплощению «русского эллинства». Возникает вопрос: «русское эллинство» — не то ли это «славянское возрождение», делу которого вместе служили профессиональные классики Анненский и Ф. Ф. Зелинский?²⁴ От последнего Мандельштам мог знать об этом непосредственно.

Точку зрения Н. Я. Мандельштам поддержал Вяч. Вс. Иванов: «Мандельштам не мог не заметить то противоположение и соположение *солнца* и *ночи*, которое в нем [в переводе трагедии Еврипида. — М. В.] столь очевидно»²⁵. Но в переводе Анненского не встречается ни одного образа чёрного или ночного солнца. Фрагмент, сюжетно соответствующий цитате из трагедии Расина и строке-переводу Мандельштама (явление восьмое), выглядит так:

Уж мой приговор
Написан. О, солнце! О, солнце!
О, мать земля!
Куда я уйду от несчастья?
Чем горе покрою?²⁶

²² Солнце русской поэзии закатилось! // Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1837. 30 янв.

²³ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 2: Проза / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста, А. А. Добрищина, П. М. Нерлера, Л. Г. Степановой, Г. А. Левинтона. М., 2010. С. 36.

²⁴ См.: Зелинский Ф. Ф. Предисловие редактора // Театр Еврипида. Драммы: Т. 2 / Пер. с введ. и послесл. И. Ф. Анненского под ред. и с коммент. Ф. Ф. Зелинского. М., 1917. С. XXIII.

²⁵ Иванов Вяч. Вс. Современность античности. «Черное солнце» Федры // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том II: Статьи о русской литературе. М., 2000. С. 369.

²⁶ Театр Еврипида. Полный стихотворный перевод с греческого всех пьес и отрывков, дошедших до нас под этим именем: в 3 т., с двумя введениями, статьями

Нет «чёрного солнца» у Анненского и в сопровождающей трагедию статье, так что и «очевидности» тоже нет. Но Мандельштам, конечно, держал в уме «Ипполита», о чём намекнул в последней строке стихотворения «Я не увижу знаменитой “Федры” ...»: «Когда бы грек увидел наши игры ...»

Это же ранее уже отмечала И. З. Сурат:

Как ни ищи «ночное солнце» у Еврипида — его там нет. Мандельштам читал Еврипида в переводе Иннокентия Анненского, сильно отредактированном Ф. Ф. Зелинским, и в нем есть тема солнца, которого уже не видит страдающая Федре, — но не более того. Мандельштам, по своему обыкновению, сконтаминировал еврипидовского «Ипполита» с «Федрой» Расина «в единый метасюжет» и уже Расиновой Федре передал в стихах этот образ: «И для матери влюбленной / Солнце черное взойдет» («Как этих покрывал и этого убора ...», 1915–1916). Анализ всех многочисленных, выявленных коллективными усилиями книжных источников образа черного солнца приводит все-таки к мысли, что в основе его лежит конкретное личное событие и переживание ...»²⁷.

Таким образом, выбранное направление поисков оказалось верным. Но, очевидно, Еврипида Мандельштам читал или в анненском издании 1906 года, или в исходной журнальной публикации²⁸. Дело в том, что Зелинский включил трагедию «Ипполит» во второй том редактируемого им издания, а он появился к лету 1917 года, когда стихи о Федре были Мандельштамом уже написаны. Но очень важно, что он «skonтаминировал» и «по своему обыкновению, как «конкретное личное событие и переживание». Это ещё раз подтверждено И. З. Сурат:

Действительно, можно много найти книжных параллелей к этому образу на самом широком культурном пространстве, но Мандель-

об отдельных пьесах, объяснительным указателем и снимком с античного бюста Еврипида И. Ф. Анненского. СПб., [1906]. Т. 1. С. 296.

²⁷ Сурат И. З. Смерть поэта: Мандельштам и Пушкин // Новый мир. 2003. № 3 (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>).

²⁸ Это подтверждает его стихотворение 1914 года, начинающееся строками: «Как овцы, жалкою толпой / Бежали старцы Еврипида». В них подразумевается, как отмечено О. А. Лекмановым (Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 112), трагедия Еврипида «Геракл», вошедшая в «Театр Еврипида» 1906 года.

штамом он не присвоен извне, а рожден из глубин творческого сознания, на наших глазах, в процессе текста, рожден усилением познать в поэтическом образе ни много ни мало как отношения жизни и смерти²⁹.

Данное положение согласуется с мнением В. В. Мусатова: «Истолкование черного солнца мандельштамоведрами дает в итоге картину чрезвычайно и неправдоподобно пеструю...»³⁰. Но «метафора “черного солнца”», согласно точке зрения комментатора, возникла у самого Мандельштама³¹. Оба исследователя пишут об обилии выявленных источников и толкований; при этом Сурат приводит точку зрения М. А. Гаспарова, дополняя её собственным примером:

«Подтексты его уводят к таким разнообразным источникам, как сатиры Горация, пророчество Иоила, Нерваль, Вяч. Иванов, Апокалипсис, Валерий Брюсов и Гейне в переводе Тютчева» (*Гаспаров М. А. Поэт и культура. Три поэтики Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Полное собрание стихотворений. СПб., 1995. С. 23*). В этом беглом списке многое не названо, к примеру — затмение солнца в «Слове о полку Игореве», важном для Мандельштама произведении³².

Следует остановиться ещё на одном из источников образа «чёрного солнца» у Мандельштама, выявленных исследователями, — это «чёрное солнце Меланхолии» Жерара де Нерваля, который, в свою очередь, ориентировался на знаменитую гравюру Альбрехта Дюрера «Меланхолия»³³. Но Нерваля открывал акмеистам, и Мандельштаму в том числе, опять же Анненский своей незаконченной

²⁹ Сурат И. З. Указ. соч. (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>).

³⁰ Мусатов В. В. Лирика Осипа Мандельштама. Киев, 2000. С. 159.

³¹ Там же. С. 134.

³² Сурат И. З. Указ. соч. (<http://lib.sptl.spb.ru/ru/nodes/2110-zapiski-peredvizhnogo-teatra-1924-68>). Детальный список источников и толкований образа был составлен С. Н. Бройтманом в статье «О. Мандельштам. В Петербурге мы сойдемся снова»; см.: Бройтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008. С. 330.

³³ См.: Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (Об одном подтексте акмеизма) // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 428–430.

статьёй «Что такое поэзия?», опубликованной после его смерти и воспринятой как завещание³⁴ (а ведь написана она была в 1903 году и являла собой «переход к новому этапу творчества»³⁵). Правда, Анненский в ней представляет Нерваля достаточно иронично, но важно то, что это «чёрное солнце»-он читал (как и роман Камилля Моклера «Солнце мертвых», упоминаемый им в начале статьи). Ведь Анненский писал о «безумном Жераре» и в статьях: «Генрих Гейне и мы» и «О современном лиризме», что Мандельштам вряд ли пропустил, особенно «трагико-иронические акценты»³⁶ учителя. Может быть, «одна из статей Анненского» у Н. Я. Мандельштам и есть «Что такое поэзия?»³⁷.

По формулировке Сурат, «чёрное солнце» является «одним из наиболее таинственных образных гнёзд мандельштамовской поэзии. Заслуживающим внимания в этой связи представляется то обстоятельство, что, согласно трактовке современного американского философа и психолога Ст. Марлана, «чёрное солнце» — это актуальнейший образ эзотериков с древних времён»³⁸. Конечно, у него ничего не сказано о Мандельштаме и знаменитой трагедии Еврипида, но раскрытие этого образа в иной, мистической перспективе заставляет задаться вопросом: а знал ли об этой стороне Мандельштам, чтобы воспользоваться образом?

Вернёмся к тому, что написала Н. Я. Мандельштам:

Я не помню, есть ли у Еврипида ночное или черное солнце, существующее в греческой мифологии (Никтелиос орфиков), и не собираюсь ходить в библиотеку за справками — это сделают без меня.

А вот что, в частности, сообщает современный исследователь неоевразийства:

³⁴ Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Нервалианский слой у Ахматовой и Мандельштама (Об одном подтексте акмеизма). С. 421–422. К теме «Мандельштам и Нерваль» теперь см.: *Вайсбанд Э. С. Нерваль Ж. де Л. // Мандельштамовская энциклопедия*. Т. 1. М., 2017. С. 368–369.

³⁵ Подольская И. И. Иннокентий Анненский — критик // *Анненский И. Книги отражений*. М., 1979. С. 512.

³⁶ Бройтман С. Н. Указ. соч. С. 344.

³⁷ Здесь же можно указать на замечание Л. А. Колобаевой, не раскрытое, к сожалению, примерами: «Образ больного солнца появляется на небосклоне у Анненского не однажды» (*Колобаева Л. А. Ирония в лирике Иннокентия Анненского // Филологические науки*. 1977. № 6. С. 21).

³⁸ См.: *Марлан Ст. Черное солнце: Алхимия и искусство темноты*. М., 2011.

В отличие от «нордических» представлений о Черном Солнце как космическом объекте и источнике астральной энергии, древнему миру оно было известно лишь в одной своей ипостаси, подземной: как солнце загробного мира, преисподней. SolNiger — одно из важнейших понятий древнего мира, существовавшее почти у всех народов. О нем есть упоминания в «Ригведе», в «Эдде» и других древнейших источниках. В индийской мифологии олицетворением Черного Солнца является Шива, «черный свет небытия», а в египетской — Осирис, ночное солнце. В античных легендах это нижнее солнце называется «солнцем Эреба», царства мертвых. Орфики называли его «Никтелиос»³⁹.

И если о Никтелиос написала Н. Я. Мандельштам, то Анненскому, знатоку ритуально-мифологической традиции в её научном освещении, оно было наверняка известно. Конечно, он знал орфиков и то, что от них дошло до нас, как знал о мистериях, о метемпсихозе и т. д. Неслучайно А. Л. Вольнский в письме к С. К. Маковскому определял Анненского «неудачно тяготеющим к парадоксам и к Орфею». И там же иронично замечал: «Ведь почтеннейшему И. Ф. А. и по сие время кажется, что во главе нового литературного движения надо поставить не Аполлона, а Орфея!»⁴⁰.

Сам Анненский писал об этом так:

(...) установить связь первоначального фракийского культа Диониса с верой в бессмертие, которая разработана была в орфических мистериях, т. е. тайноучении, освященном именем и легендой Орфея, фракийского аэда, ученым еще не удалось.

Легенда об Орфее, поклоннике Гелия-Аполлона, который был разорван мэнадами Диониса, входила первоначально в круг культовых легенд Диониса, как легенды Ликурга и Пенфея, и уже после получила мистико-символический характер в мистериях⁴¹.

³⁹ Березина Г. Россия — «Топор Новой Зари», или В преддверии «Империи Конца», «Финального Райха» (по текстам А. Дугина) // Семантическая энциклопедия Валентина Куклева (<http://kalen-dari.com/neoevraziistvo>).

⁴⁰ Рассказ М. А. Волошина об И. Ф. Анненском (27 марта 1924 г.; записан Л. В. Горнунгом и Д. С. Усовым): Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1981. М., 1983. С. 124.

⁴¹ Анненский И. История античной драмы. Курс лекций / Сост., подгот. текста В. Е. Гитина при участии В. В. Зельченко, примеч. В. В. Зельченко. СПб., 2003. С. 70.

Можно говорить, что с традицией античного мистицизма Анненский был знаком профессионально. По его собственному признанию, оставленному в автобиографии, он и себя смолodu называл «мистиком», когда ещё не знал слова «символизм»⁴². И «чёрное солнце опосредованно упомянул в той же лекции:

Была еще попытка объяснить Ликурга как олицетворение одного из двух элементов Солнца, обладающего и губительной, и благотворной для земли силой. Думали, что Ликург — одна из ипостасей Солнца, Дионис же — другая. Как известно, в культе Аполлона это так и было. (...) документальных же данных для этого никаких нет⁴³.

Но как явного художественного образа или символа, который можно было бы воспринять и последовать ему, «чёрного солнца» у Анненского нет.

⁴² <Автобиография> // *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. С. 495. Попутно отметим, что тема «Анненский и мистицизм» безусловно требует отдельного рассмотрения.

⁴³ *Анненский И.* История античной драмы. Курс лекций. С. 68.